

Оглавление

Пролог	9
--------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

глава 1. Начало	19
глава 2. Погром	25
глава 3. Первая лавка	30
глава 4. Гражданская война и другие возможности	40
глава 5. Женидьба	56
глава 6. Голодомор, который не состоялся	62
глава 7. Сын за отца	74
глава 8. «Жить стало лучше, товарищи!..»	88
глава 9. Гетто. Табачная артель	96
глава 10. Новые документы	105
глава 11. Заготовитель	111
глава 12. Реформа	115
глава 13. Правосудие	124
глава 14. Косточки	132
глава 15. Блудный сын	140

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

глава 1. Соседи	151
глава 2. Сема самостоятельный	156
глава 3. Мамин сибиряк	169

глава 4. Квартирный вопрос	183
глава 5. Рая плюс Паша	197
глава 6. Лея и ее дети	206
глава 7. Лина и Ньюма	215
глава 8. Отдел	223
глава 9. На пенсии	235
глава 10. Гости	245
глава 11. Cholera	251
глава 12. Активный пенсионер	260
глава 13. Умывальников начальник	269
глава 14. Лина взрослеет	276
глава 15. Ньюма взрослеет	282

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

глава 1. Лина и Ньюма учатся	299
глава 2. Две беды	312
глава 3. Внуки взрослеют	318
глава 4. Валя	329
глава 5. Ньюма женится	335
глава 6. Некогда	345
глава 7. Ужасный год	356
глава 8. Траур	364
глава 9. Перестройка	377
глава 10. «Труба — детям»	384
глава 11. Дипломатия. План	392
глава 12. Дипломатия. Факт	400
глава 13. Сумерки	409
глава 14. Всё	418
Эпилог	425

Посвящается
МОЕЙ МАМЕ,
которая с готовностью подтвердит,
что все персонажи, обстоятельства их жизни
и даже некоторые исторические факты,
описанные в настоящей книге, —
плод воображения автора.

Пролог

Солнечным июльским днем по тихой тенистой улице, круто поднимающейся от Южного Буга к центру города, убрав руки за спину, медленно шагает высокий крепкий старик. Он одет в синий шевиотовый костюм с вытертыми до блеска рукавами и белую застиранную рубашку. На голове его серый бесформенный картуз, на ногах — стоптанные, покрытые пылью ботинки. Утомленный жарой и крутым подъемом, старик время от времени останавливается. Сняв картуз, утирает им лоб, тяжело вздыхает и что-то бормочет. Отдышавшись, разочарованно машет рукой и идет дальше. Миновав невысыхающую лужу у водопроводной колонки и увитый диким виноградом забор, он сворачивает в узкий переулок и через минуту оказывается во дворе своего дома.

Жарко. В знойном мареве кружатся мухи. Пахнет горячей пылью и нагретой травой. В зарослях чертополоха дремлет кот. Суется и чирикает, в пыли купаются воробьи. Беспокойные голуби требуют свою вечную «че-куш-ку!». На старой покосившейся скамейке сидит Роза, соседка старика. На ней цветастый сатиновый халат и разношенные тапки на босу ногу. Уложив внука спать, Роза вышла подышать свежим воздухом, уселась в тени ветвистой акации, разомлела и задремала.

Увидев ее, старик радуется, думает, что наконец-то есть с кем словом перемолвиться. Тем более что он сегодня уже успел побывать на кладбище, в собесе, в сберкассе, и у него куча новостей. Старик осторожно опускается на край скамейки и тихо прокашливается.

— Здравствуйте, дядя Лева! — произносит Роза, не открывая глаз. — Ну, что слышно?

Старик ждал этого вопроса. Он рад, что Роза не топчется и готова с ним поговорить.

— Хочешь хохму? — усаживаясь поудобнее, начинает старик. — Я сегодня пришел в сберкассу, так меня не хотели пускать! Охранник подумал, шо я — нищий! «Ботинки, — сказал, — у вас рваные!» Я — нищий! Как тебе это нравится?! Если б этот, извини за выражение, поц, знал, сколько у меня денег на книжке, он бы так со мной не разговаривал!

Роза открывает глаза и как бы ненароком опускает взгляд на стариковские ботинки.

— Шо ты смотришь?! — восклицает старик. — Это я специально надел! Шоб та баба в собесе увидела, какой я бедный, и быстро все оформила. Ты же знаешь, как это у них принято: заявление, рассмотрение, перерасчет... Как говорится, афн бойдем бакцах кнышес¹.

Пока Роза мысленно переводит, старик продолжает:

— Слушай, ты б ее видела! У нее та-а-акие ноги! Длинные, красные. А!.. Вот мне интересно, как она с такими ногтями стирает, варит, дом убирает!

— Я ее знаю... — вздыхает Роза. — Галя, на Островского живет, за колонкой... Не помните? Ну, неважно... Короче, у нее муж все делает.

— Муж?! — изумляется старик. — Муж варит?!

— И стирает! И дом убирает!

1 «На чердаке пекут кныши» (идиш). Из еврейской народной песни. — Здесь и далее примечания автора.

— Ой-ой-ой-ой... — закрыв глаза, качает головой старик. — Кого-то это мне напоминает...

«Сейчас опять про сына заговорит...» — думает Роза. И действительно, не проходит секунды, как старик произносит:

— Ты можешь мне объяснить, почему нельзя приехать? Чем Сема так занят, шо ему нет времени родного отца навестить?

— Дядя Лева, мы уже сколько раз за вашего Сему говорили! — устало произносит Роза. — Во-первых, не близкий свет. Во-вторых, он занят, он большой начальник...

— Он не просто начальник, Розочка, он — министр! — уточняет старик.

— Вот! — соглашается Роза. И добавляет: — Вы думаете, мой Аркадий лучше? Я ему говорю: «Как ты в этой Москве живешь? Шум, гвалт, можно с ума сойти...» А он отвечает: «Большой город делает меня твердым!» Хотела бы я знать, что это значит...

— И не говори, Розочка, — соглашается старик, — они все такие, все поколение. За внуков я вообще молчу... Раньше ведь как было? Погромы были, революция, голод, войны. Через что мы только не прошли! А жили — как положено! Дети уважали родителей, жена была — жена, муж был — муж! Брат помогал брату, сосед — соседу. А сейчас? Все образованные, сытые, дом полная чаша, а живут черт знает как!

Роза пытается что-то сказать. Но старик не дает.

— Не перебивай! — хлопая себя по колену, повышает он голос. — Вот скажи, почему дети от родителей получают рост, волосы, уши, я знаю... нос. А мозги — не получают, а?

Роза давно знает старика. Больше сорока лет они живут по соседству. Вся жизнь, как говорится. Роза не хочет огорчать пожилого человека, опасается за его здоровье.

— Дядя Лева, а что Ньюма пишет? — выждав мгновение, меняет она тему.

— Ньюма? Пишет... Кстати, я его за это тоже однажды спрашивал. Еще до того, как он уехал. Так знаешь, что он мне сказал? Сказал, шо я темный человек! Есть, говорит, такой ген, шо отвечает за волосы и прочее. Ген-шмен... Я ему спрашиваю: «Хорошо, я старый, необразованный, а ты молодой, грамотный. Так скажи, а нет такой ген, шоб отвечал за совесть?» Так он с меня смеялся...

Роза сочувственно качает головой.

— Я, Розочка, так думаю, — продолжает старик, — каждое поколение должно быть лучше предыдущего! Лучше! Ты согласна?

Роза опять кивает.

— Вот умница! Приятно с тобой разговаривать, Розочка! Только кто нас слушает?! Никто... И поговорить нема с кем! Когда-то можно было со стариками обсудить, с раввином посоветоваться. А сейчас я уже сам старик. За раввина и говорить нечего, кто его видел!

— Бабушка-а! — слышится из открытого окна.

— О! — вскакивает Роза. — Борюсик! Иду, любочка, иду! Что тебе дать? Есть бульончик, курочка, котлетки...

В окне появляется заспанный пятилетний Борюсик и сообщает:

— Мор-р-роженое!

— Шоб ты нам был здоров! — умиляется старик. — Бежи, Розочка, бежи, гэй гезинтэрэйт!¹

Роза торопливо прощается и, подобрав ногами свалившиеся тапки, убегает.

Оставшись один, старик опять вздыхает. Закрыв глаза, думает, что у него, слава Богу, тоже есть внуки. Вспоминает, что когда-то и они были маленькие, а сей-

час выросли, разъехались. «Как там Ньюма? — думает он про младшего. — Нужно ему написать. Напишу, что в беседе был, за Розу напишу, за ее внука. А в конце...» И, прикрыв глаза, старик думает, о чем еще поведает внуку. Ему надоело описывать погоду, быт, соседей, отвечать на вежливо-дежурные вопросы о собственном здоровье. Он хочет написать что-то важное. Вспомнить мудрую притчу, дать дельный совет. Но никак не удастся подобрать правильные слова. Из-за этой чертовой жары невозможно сосредоточиться. Он отвлекается, быстро устает. Садится и тут же засыпает. Ему и сейчас хочется закрыть глаза, подставить лицо теплому ветерку и подремать. Недолго, пять минут...

На соседней улице дребезжит трамвай. Вслед ему лает потревоженная собака. Потягивающийся кот пугает стайку суетливых воробьев. Они с шумом разлетаются. Из раскрытого окна слышится: «Передаем сигналы точного времени. Начало шестого сигнала соответствует...» И сразу же слышится диалог Розы с внуком. Он, кажется, согласился на котлетки.

Старик открывает глаза и оглядывает пустой, залитый ярким послеполуденным солнцем двор. Вспоминает, что почти так же когда-то выглядела в Райгороде улица его детства. Конечно, не было машин, бензиновой гари, асфальта, столбов с проводами, радиоточек... Но так же светило солнце, отбрасывала тень акация, лаял злобный пес у дяди Василя, так же пахла горячая трава, звучали детские голоса... Он думает, что прошло столько лет, а ничего, в сущности, не изменилось. Он прожил длинную жизнь, и в ней случалось всякое. Горе, потери, разочарования... Хотя и хорошего было немало. Чего больше? Он и сам не знает. И даже хотел бы узнать, так никто не понимает, как это измерить. Хорошо бы встретить какого-нибудь мудрого человека и все ему рассказать. Но кому интересна чужая жизнь?! Каждому,

как говорится, своего хватает... Но, если представить, что такой человек найдется, он бы рассказал. Честно, не упустив деталей, не утаив фактов. И когда он закончит, пусть этот человек скажет: «Да, Лейб Гройсман, ты прожил достойную жизнь». Или, наоборот, разочарованно покачает головой и спросит: «Не стыдно?» Но еще лучше, если бы этот человек ничего не сказал, а просто взял да и положил все на бумагу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Городок, название которого вынесено на обложку этой книги, долго назывался иначе — не Райгород, а Крайгород. Что было довольно символично. Основанный в пятнадцатом веке, он несколько столетий находился на краю в буквальном смысле этого слова. Вначале — на южном краю Великого княжества Литовского, потом — на восточном рубеже Речи Посполитой. Позже — у северной границы Османской империи, а когда турок изгнали поляки, опять стал польской приграничной крепостью.

Возможно, такое название сохранилось бы и до нынешних времен, но в конце восемнадцатого века произошел очередной раздел Речи Посполитой, и городок оказался в составе Российской империи. Именно тогда в его названии произошли изменения: городок стал местечком, и из его названия исчезла буква «К». То есть Крайгород превратился в Райгород. Что с учетом геополитических перемен, вероятно, тоже должно было стать символичным.

Если местные украинцы и поляки возражали, то евреи отнеслись к изменениям философски — они их просто не заметили. Ибо что «на краю», что «в раю» евреям жилось примерно одинаково. Стараясь не конфликтовать с властями и соседями, они во все времена тщательно оберегали свою обособленность, землю не пахали, ремесленничали, торговали. Но главное — хранили традиции и бережно передавали их из поколения в поколение. И какие бы беды ни происходили — опустошительные татарские набеги, резня отрядов Богдана Хмельницкого, произвол польских панов, рекрутская повинность, — евреи никогда из тех мест не уходили. Более того, женились, рожали детей, строили дома и синагоги, развивали ремесла, расширяли торговлю. В общем, вращались

в эту землю и обустроивались так, будто собирались здесь жить вечно.

В конце девятнадцатого века в Райгороде жили примерно четыре тысячи человек. Треть из них были евреи. Жили все более или менее дружно, друг другу не помогали, но и не мешали. Время от времени местный ксендз пан Тадеуш Липницкий, православный батюшка отец Илларион и глава еврейской общины реб Моше даже собирались вместе, чтоб выпить по стаканчику и поговорить за жизнь. Ребе рассказывал о тяжелой жизни евреев — слухи о погромах, высокие налоги, урядник-грубиян... Пан Тадеуш и отец Илларион его успокаивали, говорили, что нужно надеяться, верить и все изменится к лучшему. «Когда?» — устало вздыхал ребе. «Скоро! — отвечали “святые отцы”. — Не за горами двадцатый век, век просвещения и прогресса...» Ребе говорил, что может, что-то где-то и изменится, но только не у нас. «Как не у нас?! — восклицал батюшка. — Не забывайте, где мы живем — в Райгороде!» — «У нас в первую очередь!» — соглашался с батюшкой пан Тадеуш. Реб Моше качал головой и говорил: «Ну-ну... Дай Бог! Посмотрим...»